

На правах рукописи

Коломин Дмитрий Евгеньевич

**ФУНКЦИИ ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ В ОТРАЖЕНИИ АВТОРСКОЙ
КОНЦЕПЦИИ ТВОРЧЕСТВА ГАЙТО ГАЗДАНОВА**

Специальность 10.01.01 – русская литература

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Нижний Новгород – 2012

Работа выполнена на кафедре русской литературы Нижегородского государственного педагогического университета

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Захарова Виктория Трофимовна

Официальные оппоненты: **Осовский Олег Ефимович**, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева;
Климчукова Вера Николаевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской литературы XX века Московского государственного областного университета

Ведущая организация: Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского

Защита диссертации состоится «19» апреля 2012г. в 13.00 на заседании диссертационного совета ДМ 212.166.02 при Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского по адресу: 603000, г. Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, 37, ауд. 312.

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2012г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Юхнова И.С.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Творческое наследие Гайто Газданова сегодня осмысливается как наследие выдающегося писателя XX в. Творчество Газданова очень многопланово и вызывает большой интерес в литературоведении. Исследователи-газдановеды, такие, как С. Никоненко¹, Ю. Нечипоренко² и др. писали об особом значении женского образа в творческом наследии писателя. Но подробного исследования данной проблематики до сих пор не проводилось. Именно с этим связана **актуальность** данной диссертационной работы, которая определяется необходимостью рассмотрения роли женского образа в произведениях Гайто Газданова и связанной с ним концепции творчества для более полного осмысления художественного сознания писателя.

Многоплановость творческой природы Гайто Газданова предоставила для исследователей широчайший материал для изучения. Писатель вместил в своем творчестве традиции классической русской литературы, а также впитал актуальные философские проблемы своего времени. В начале 1990-х гг. впервые опубликованные на родине произведения Газданова привлекли широкое внимание отечественных литературоведов. Первое собрание сочинений писателя было сопровождено статьями Л. Сыроватко «Газданов-романист» и «Газданов-новеллист», раскрывающими жанровое своеобразие произведений незаурядного автора. К началу XXI столетия было выпущено несколько сборников научных статей под редакциями М. Васильевой и Л. Сыроватко³. Новый тол-

¹ Никоненко С. Загадка Газданова // Газданов Г. Собр. Соч.: В 3 т. – М.: Согласие, 1996. – Т. I.

² Нечипоренко Ю. Гайто Газданов: новый классик русской литературы: статья / Нечипоренко Ю. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.hrono.ru/text/ru/nech0504.html>

³ Возвращение Гайто Газданова: Научная конференция, посвященная 95-летию со дня рождения писателя / Сост. Васильева М. – М.: Русский путь, 2000; Газданов и мировая культура: Сборник научных ст. / Сост. и ред. Сыроватко Л. – Калининград: изд-во ГП «КГТ», 2000.

чок в осмыслении творчества Газданова дали исследования его литературного архива, проведенные О. Орловой, Т. Красавченко и М. Васильевой. С. Федякин исследовал специфику творчества писателя в серии статей, раскрывающих сцепление судьбы писателя с поэтикой его прозы. Многие другие исследователи развивали ключевые направления в исследовании самобытности газдановских произведений. Вслед за выходом в 1995 году перевода первой монографии о жизни и творчестве писателя — книги Л. Диенеша «Russian literature in exile: The life and work of Gajto Gazdanov» (Munich, 1982), — вышел в свет и первый отечественный монографический труд — «Поэтика прозы Гайто Газданова 20-х — 30-х годов» С. Кабалотти (СПб, 1998); в литературных журналах и научных сборниках появляются статьи о творчестве этого писателя (работы Ю. Бабичевой, Ю. Матвеевой, А. Мартынова, О. Подуст, Н. Цховребова, Ю. Нечипоренко, А. Черчесова, С. Никоненко, М. Васильевой, А. Мзокова, А. Зверева, М. Новикова, и др.). Тем не менее, в настоящее время приходится говорить ещё только о положенном начале основательному описанию поэтики прозы Газданова.

Объектом данного исследования стали шесть романов Газданова: «Вечер у Клэр», «История одного путешествия», «Ночные дороги», «Призрак Александра Вольфа», «Возвращение Будды», «Эвелина и ее друзья». Нами не рассматривались три романа писателя, основанные на французском материале — «Пилигримы» и «Пробуждение» — и роман «Полет», которые нуждаются в отдельном исследовании.

Предмет исследования: художественное воплощение экзистенциального мироощущения героя-повествователя и возможности его преодоления.

Целью работы является изучение процесса преодоления экзистенциального мироощущения героя-повествователя с помощью женщины-музы в соответствии с авторской концепцией творчества в романистике Г. Газданова.

Для достижения поставленной цели необходимо, на наш взгляд, решить следующие **задачи**:

- выявить истоки экзистенциального мироощущения писателя;
- определить причины и суть двоемирия героя – борьбы действительного и воображаемого;
- доказать, что в попытках избавиться от двоемирия герой стремится к самоидентификации в окружающем мире, к «воплощению»;
- определить, каким образом преодоление «метафизической бездомности» благодаря женщине-музе реализует творческий потенциал личности героя-повествователя.

Методологической основой работы послужили литературоведческие труды Л. Алексеевой, М. Бахтина, В. Заманской, А. Николюкина, Н. Тамарченко, В. Хализева; работы исследователей-газдановедов Е. Асмоловой, Ю. Бабичевой, Е. Бальзамо, В. Гассиевой, Л. Дарьяловой, Л. Диенеша, Л. Калоевой, Т. Камболова, А. Мартынова, Ю. Матвеевой, С. Никоненко, О. Орловой, Т. Семеновой, Ю. Симонян, Л. Сыроватко.

Исходя из цели и поставленных задач в диссертации применены следующие **методы исследования**: культурно-исторический, биографический, сравнительно-типологический.

Научная новизна работы состоит во впервые предпринятом масштабном анализе романистики Г. Газданова с точки зрения осмысления авторской концепции творчества, которая была у писателя достаточно самобытной, имела свою динамику, способствовала уяснению важнейших философских, эстетических, жизненных воззрений автора. При анализе отдельных произведений данное исследование предполагает, прежде всего, выявление в них общих закономерностей, связанных со стремлением героя к «воплощению».

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Организующим началом художественного мира романов Гайто Газданова является экзистенциальное мироощущение, из которого вытекают важнейшая тема в творчестве писателя – тема бессмысленности жизни перед неизбежностью смерти.

2. Газданов наделяет героя силой воображения, которое может заполнить отведенный промежуток времени между рождением и смертью иллюзорными представлениями о смысле жизни. Цель иллюзорного мира – отвести внимание перед единственной объективной реальностью – смертью.

3. Преодоление экзистенциальной апатии возможно у Газданова только благодаря влиянию женщины. Женщина в роли музы способствует созреванию художественного дара героя-повествователя, что, по Газданову, составляет одну из главнейших ценностей человеческого существования.

Структура исследования. Работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка литературы, включающего 216 наименований. Общий объем исследования составляет 200 страниц.

Основное содержание работы

В первой главе *«Основные проблемы творчества Гайто Газданова в русле философской мысли и литературы XIX-XX вв.»* рассматриваются философские проблемы, связанные с осмыслением жизни человека и человечества в целом, в трактовке известных представителей европейской философской мысли; постановка проблем жизни и смерти в русском историко-литературном контексте, в котором сформировалась творческая личность Газданова как писателя XX века; анализируется роль женского образа в отечественном национальном самосознании.

В параграфе 1.1. *«Проблема смысла жизни перед лицом смерти в восприятии философов XX в. (на примере А. Шопенгауэра и Ф. Ницше)»* обозначаются позиции ведущих немецких философов в отношении к проблеме смерти и борьбе со страхом смерти. В своих размышлениях А. Шопенгауэр пришел

к выводу, что «в существе дела, индивидуальность - это своего рода ошибка, недосмотр, нечто такое, чему бы лучше не быть и отрешение от чего является настоящей целью жизни»⁴. Ф. Ницше предлагал относиться к смерти, как относились древние греки. Ницше полагал, что у классической трагедии – трагедии Эсхила и Софокла – существовало два орудия «заклятия» смерти – «дионисийское» и «аполлонийское» начала, характеризующие два вектора искусства. Дионисийское помогало отказаться от индивидуального существования, обратившись к «первосущей» Воле, в которой объединяются возникновение и уничтожение, жизнь и смерть, и где отсутствует различие между добродетелью и преступлением. С помощью «аполлонийского» начала искусства человек возрождается к активной жизни и служению Воле уже как индивид. Аполлон дает индивиду «истинное спасение и освобождение», но не как Дионис, открывающий человеку путь к Единому, а совсем иным способом - создавая прекрасные образы неистинного, ложного с помощью иллюзии. Вместе с вопросом о смысле жизни, смысле человеческого бытия, который был поставлен немецкими философами, перед исследователями развернулся и целый узел проблем нравственной философии, теснейшим образом связанных друг с другом.

В параграфе 1.2. *«Проблема смысла жизни перед лицом смерти в восприятии русских классиков»* мы обращаемся к русским писателям и мыслителям. Одним из первых в русской литературе вопрос о смысле человеческого бытия в обозначенном нами аспекте затронул А. Пушкин в драме «Моцарт и Сальери». Это произведение великого классика дало начало целой серии художественных исследований образов персонажей, утративших ощущение осмысленности земного существования перед лицом «молчащих небес». Тема

⁴ Шопенгауэр А. Смерть и ее отношение к неразрушимости нашего существа / М.: Наука, 1993. С. 102.

смерти явилась одной из ключевых и в творчестве М. Лермонтова. Смерть – постоянный предмет философской рефлексии и поэтических переживаний поэта. Смерть переживается в поэзии Лермонтова зачастую как бессмысленное поглощение человеческой индивидуальности мирозданием, как роковая тайна.

Вопросы смысла жизни в трагическом аспекте волновали и Л. Толстого в кризисный период его духовного самосовершенствования. Проблему утери осмысленности жизни ставил и великий русский писатель Ф. Достоевский, который видел отражение этой проблемы в нигилизме, а точнее, в проблеме «почвы» и оторванности от нее немалой части российского образованного общества. Проблема смысла жизни, как ставит ее Толстой, и проблема нигилизма, как формулирует ее Достоевский, уходят своими истоками в одну и ту же народную традицию. В вопросе о смысле жизни позиции Л. Толстого и Ф. Достоевского практически тождественны. Разница лишь в том, что Толстого при этом особенно волнует один аспект проблемы – «обесмысливание» жизни и страх смерти, а Достоевского — «обесмысливание» жизни и неизбежность преступления. Пути двух гениев отечественной классики расходятся, когда те начинают уточнять, что понимается ими под нравственной субстанцией народной жизни, «гарантирующей» для каждого индивида «абсолютность» его абсолютов, веру в осмысленность бытия. Если для Достоевского эта субстанция раскрывается, в первую очередь, как национальная, то для Толстого она прежде всего социальная.

На рубеже XIX-XX веков кризисное мироощущение было присуще многим авторам: Д. Сологубу, К. Бальмонту, З. Гиппиус, Дм. Мережковскому, А. Добролюбову, Н. Минскому – преимущественно плеяде «старших символистов». В прозе Серебряного века в этом плане выделяется творчество Л. Андреева, русского экспрессиониста. Л. Андреев считал смерть абсурдным по своей природе явлением и подтверждал эту мысль творчеством. Для писателя смерть - нечто бессмысленное, ужасное и непоправимое. И она всегда

имеет зловещий облик. Проблема смерти в литературе Серебряного века была обусловлена кризисом позитивистского мышления, охватившего в те рубежные годы пытливые умы русской интеллигенции.

В параграфе 1.3. «*Русская философия конца XIX - начала XX в. о роли женского начала в национальном самосознании*» рассматривается значение женского образа для русского национального самосознания. Женский образ занимает особое место в русской культуре и корнями уходит в глубокую древность. Образ Софии Премудрости Божией еще в древнерусском искусстве был запечатлен в софийной иконописи. Богоматерь являлась общенациональным символом Руси, и русский человек всегда осознавал покровительство Богородицы, ее особую мистическую связь с Русской землей.

На развитие русской философской и художественной мысли во второй половине XIX – начале XX века огромное влияние оказала философия всеединства и идея Вечной женственности русского мыслителя, богослова, поэта и литературного критика В. Соловьева. В. Соловьев также искал истоки учения о Софии в культуре Древней Руси. Размышляя над истоками культа Богоматери на Руси, В. Соловьев разработал собственное вероучение о Софии Премудрости Божией, в котором предложил свою религиозно-философскую концепцию Мировой Души как Вечной Женственности. Соловьевское учение о Вечной Женственности оказало огромное влияние на творчество таких крупных поэтов, как А. Блок, А. Белый и многих других представителей Серебряного века. А. Блоку принадлежала особая роль в стремлении реализовать «соловьевство как жизненный путь»⁵. Он откликнулся на учение о Вечной Женственности циклом «Стихи о Прекрасной Даме».

⁵Белый А. Апокалипсис в русской поэзии: статья / Белый А. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://dugward.ru/library/blok/beliy_apok_poez.html

Глубокие идеи о роли женского начала в русской ментальности выражены русским мыслителем Е. Трубецким. Философ представил свою концепцию на примере русских народных сказок. Идеи Е. Трубецкого очень убедительно соотносятся со многими коллизиями русской литературы, и это еще предстоит осмыслить. В философии начала XX в. резонанс получили многие идеи Н. Бердяева, в том числе, касающиеся роли женского начала в бытии. Н. Бердяев видел назначение женщины в конкретном воплощении Вечной женственности – одной из сторон Божественной природы, и этим путем мечтал вести мир к любовной гармонии, к красоте и свободе. Женщина должна быть и музой, и произведением искусства, примером творчества Божьего, силой, вдохновляющей творчество мужественное.

Русский философ и теолог С. Булгаков также полагал, что полный образ человека получается лишь в соединении мужчины и женщины. По отдельности каждый из них – получеловек, хотя и является при этом самостоятельной личностью. С. Булгаков писал, что каждая личность представляет собой индивидуальное и своеобразное смешение мужской и женской стихии, и этим обусловлена творческая напряженность. В соединении мужского и женского начал в человеке исследователь видел разгадку творчества как такового.

Русский философ, писатель и публицист И. Ильин отводил существенную роль любви в творческой сфере. В книге «Поющее сердце» он писал: «Нельзя человеку прожить без любви и потому, что она есть главная творческая сила человека»⁶. И. Ильин полагал, что «творить можно только приняв богозданный мир, войдя в него, вросши в его чудесный строй и слившись с его таинственными путями и закономерностями. А для этого нужна вся сила любви, весь дар художественного перевоплощения, отпущенный человеку»⁷.

⁶ Ильин И. Без любви // Русский Эрос или философия любви в России. М.: Прогресс, 1991. С.397.

⁷ Там же.

Не претендуя на полноту освещения данного вопроса, мы затронули только самые, на наш взгляд, ключевые философские идеи эпохи, оказавшие несомненное влияние на осмысление роли женского начала в отечественной культуре. Именно в их контексте и формировалось творчество многих художников, в том числе и Г. Газданова.

В параграфе 1.4. *«Преодоление экзистенциальной безысходности в творчестве Газданова: роль женского образа»* рассматриваются общие черты прозы Г. Газданова в контексте экзистенциального мироощущения писателя, сложившегося в результате трагических стечений обстоятельств, через которые писателю пришлось пройти, начиная с раннего детства. Экзистенциальное воззрение Газданова художественно отражает его внутренний мир. Именно поэтому большинство его произведений автобиографичны. Автобиографичность творчества Газданова заключается в том, что в каждом романе писатель последовательно воплощает свои идеи, свое понимание жизни в целом и, в частности, отдельной человеческой судьбы через восприятие героя, обычно повествователя, а также через восприятие других персонажей, – неважно, положительных или отрицательных. Все они чаще всего являются концептуальными носителями авторского мировоззрения.

В данной главе уделяется особое внимание теме смерти, которая предстает в творчестве Газданова как одна из онтологических тем искусства. Вопрос о смысле жизни перед лицом смерти, будучи еще не осознанным в силу возраста, встает перед Газдановым в раннем детстве, – будущий писатель переживает смерть отца, а затем и смерть двух сестер. Отец оказал огромное влияние на формирование личности Газданова; он не любил всего, что связано со смертью, он страстно любил жизнь и, будучи уже больным, говорил, что согласился бы стать пастухом, лишь бы жить. И его сын, будущий писатель, оставался весьма равнодушным к религии. Таковы истоки «фатального» мироощущения писателя.

Личная трагедия, перенесенная в детстве, в последующем усилилась трагическим восприятием Гражданской войны, участником которой был Газданов и которую он описал в романах «Вечер у Клэр» и «Призрак Александра Вольфа». Призрак смерти приобретает глобальные масштабы во внутреннем мире писателя, что затем не могло не отразиться в художественном.

Вопросы, ответить на которые Газданов оказался бессилён, породили разочарование и неудовлетворенность. Вместе со своими героями писатель приходит к выводу о бессмысленности жизни перед лицом смерти. Постоянно чувствуя ее присутствие, он не мог отделаться от ощущения временности своего существования, после которого наступит тьма. Вместе с тем, он почувствовал острую потребность заполнить образовавшуюся пустоту. В последующем у героев Газданова появляется стремление к «воплощению» как возможность осмысления значимости бытия.

Экзистенциальное мироощущение составляет основу отношения Газданова к человеку, его судьбе и условиям его существования. Жизнь во многом представляется писателю как череда случайных событий, ибо он не верит ни в судьбу, ни в какое-либо предназначение как отдельно взятого человека, так и человечества в целом. И, как следствие, – ощущение бессмысленности всего существующего.

В творчестве Газданова привычный для обычного человека акцент ЖИЗНЬ – смерть необратимо смещается на жизнь – СМЕРТЬ. «Жизнь» в художественном мире писателя перестает быть реальностью, она становится иллюзорной, ирреальной, абсурдной, и только смерть воспринимается им как подлинная реальность. У Газданова осознание смерти обесмысливало человеческую жизнь как таковую. Жизнь многих его персонажей показывается автором как движение к смерти. Постоянное присутствие смерти лишает смысла не только жизнь героя, его устремления, но, и это самое

главное, – оно выбивает духовную опору. Исходя из этого, становится очевидным, что человек лишь силой ума и воображения может заполнить отведенный ему временной промежуток иллюзорными представлениями о смысле жизни, дабы отвести внимание перед единственной объективной реальностью – смертью.

Внутренняя борьба между пониманием бессмысленности жизни перед смертью и пониманием того, что с этим состоянием необходимо бороться, чтобы не сойти с ума, в конечном счете, приводит Газданова к раздвоению мировосприятия, о котором он неоднократно упоминал в своих сочинениях. Главное в раздвоенном мироощущении Газданова – это мучительная борьба между глубоким пониманием бессмысленности человеческой жизни, человеческих поступков, принципов, убеждений перед единственной объективной реальностью – смертью, с одной стороны, и пониманием того, что это состояние каменной апатии необходимо преодолеть для «элементарного выживания», а для этого нужно заниматься вещами, о бессмысленности которых герой-повествователь постоянно думает.

Развивая тему смерти, Газданов постепенно приходит к разделению своих героев на несколько категорий. *Первая категория* людей не ощущает рядом с собой присутствие смерти, для них смерть – скорее теоретическое понятие, они не задумываются о ней всерьез. И это определяет их жизненный путь. К такой категории людей относится Валентина Симон из романа «Пилигримы». *Во вторую категорию* входят люди, перед которыми «проклятые» вопросы встали слишком поздно, когда уже ничего исправить нельзя. Наиболее ярко этот типаж представлен Газдановым в «Ночных дорогах» в образе Федорченко, к этой категории относится и образ Фреда из «Пилигримов». *Третью категорию* составляют люди, которые очень рано начали жить с «открытыми глазами», они задали эти вопросы себе в самом

начале жизненного пути и выработали своего рода иммунитет к их разрушающему воздействию.

Фатальное экзистенциальное мироощущение могло бы поглотить писателя, но Газданов сумел найти выход из тупиковой ситуации. Писатель не стремился найти ответ на вечные вопросы бытия, но искал возможность обретения счастья в построении «иллюзорного» мира, дающего возможность жить в нем, не мучаясь «роковыми» вопросами. Таким образом, создание «иллюзорного» мира представляется автором как возможность самопознания для него самого и его героев. Художественное творчество выступает как творческая реализация личности.

Экзистенциальное мироощущение ставит практически перед всеми героями Газданова проблему самоидентификации в окружающем мире. Женские образы помогают герою Газданова решить вопрос самоопределения. Для писателя это означает «воплощение», а для «воплощения» надо найти ответы на вечные вопросы. Но так как ответов нет и быть не может, не может состояться и «воплощение», – до тех пор, пока не будет создан воображаемый мир, который отодвинет неразрешимую проблему на второй план и создаст новые условия для «воплощения». Именно *отодвинет* на второй план, но не явится свершившимся актом самоопределения.

В конечном счете, преодоление «метафизической бездомности», экзистенциальной апатии благодаря женщине реализуется творческий потенциал личности героя-повествователя. Те герои, которым удалось найти «воплощение» с помощью женщины, построить свой творческий мир и перешагнуть в «третью» жизнь, находят спасение. Построение такого мира – это творческий акт, в котором роль музыки играет женщина.

Во второй главе «*Функции женских образов в романной прозе Г. Газданова*» рассматриваются шесть романа писателя.

Герои выделяемых романов с детства ощутили некую способность переступать в воображении границы реальной жизни и становиться участником какой-то иной жизни – чужой или своей. Они наделены творческим даром и подсознательно реализует его поначалу в мечтах, в неудержимом стремлении к жизненным переменам, в любопытстве к судьбам других, а позднее – в литературной деятельности журналиста и писателя.

2.1. *«Изображение процесса осознания героем творческого дара в романе «Вечер у Клэр».* «Вечер у Клэр» - первый роман писателя - сразу после публикации в 1930-м году выделил Газданова как очень даровитого писателя. Его поставили в один ряд с В. Набоковым и пророчили ему большое будущее. Ободренный положительными отзывами критиков на роман «Вечер у Клэр», Газданов послал роман М. Горькому. Горький тоже отозвался о романе положительной рецензией, а также заметил: «Вы ведете свое повествование в одном определенном направлении: к женщине»⁸. «Путь к женщине» стал структурообразующим элементом не только в «Вечере у Клэр», но и во всем творчестве писателя.

В рассказе «Третья жизнь», который Ю. Бабичева назвала творческой доктриной писателя, Газданов излагает свой взгляд на сущность истинного творца искусства. Писатель выделяет три ипостаси в жизни человека: первая жизнь – это детство, тот период, через который проходит каждый человек. Вторая жизнь – «психологическое напряжение» взрослого человека. Мечты и видения второй жизни – это мечты о богатстве, славе, власти – и о женщине. Писатель, остановившийся во второй жизни, не имеет возможности постичь суть бытия, он всего лишь описывает те или иные события, не вникая в их природу. Но если однажды он переходит в состояние, похожее на болезнь, когда воображаемое и действительное сливаются, а сам он осознает себя лишь

⁸ Зильберштейн И. Горький – учитель молодых литераторов // Литературная газета, 1979. №17.

«функцией видения с лицом женщины», – это означает, что началась его третья жизнь. В ней совместились идея высокого творческого напряжения, и символический образ «видения с лицом женщины» (традиционно – музы), которая руководит творческой личностью в ее «третьей жизни».

В художественной системе Газданова точка объединения двух существований героя - условно-реального и трансцендентного, - воплощается в образе Клэр. Коля Соседов описывает очарование Клэр, которое заставило его «потратить десять лет жизни на поиски Клэр и не забывать о ней нигде и никогда»⁹. Пока он шел к ней, ему сопутствовал ее воображаемый образ. Герой подсознательно стремится к своему «воплощению», он чувствует созревающий в нем творческий дар, его воображение рисует перед ним невероятные картины, а реальная жизнь представляется ему как чуждая среда.

В романе «Вечер у Клэр» процесс осознания своего дара как одного из направлений «путешествия души» показан в самой его ранней стадии – предчувствия, пробуждения, становления. На фоне внутренних переживаний и воображаемых путешествий героя, а также внешних трагических событий, как в личной жизни, так и в историческом периоде, в котором разворачиваются события, на фоне развивающегося чувства к Клэр, постепенно развивается и крепнет талант художника в главном герое. Образ очаровательной француженки перевоплощается в музу, определяющую творческий путь героя.

2.2. «Тема прорыва через мучительное двоемирие в романе «Призрак Александра Вольфа». В основе сюжета романа «Призрак Александра Вольфа» положена детективная фабула. Главный герой безымянен, но очень узнаваем. Ему свойственен тот же экзистенциальный взгляд на жизнь, что и Коле Соседову. Суть детективного сюжета заключается в коротком эпизоде из

⁹ Газданов Г. Вечер у Клэр // Газданов Г. Собр. Соч.: В 3 т. – М.: Согласие, 1996. Т. I. С. 46.

Гражданской войны: спасая жизнь, повествователь стреляет в противника и считает его убитым в течение многих лет, пока ему не попадает в руки рассказ «Приключение в степи» неизвестного ему писателя, в котором описан тот же самый случай от лица человека, которого герой считал мертвым уже много лет. Так завязывается детективная интрига.

Герой «Призрака Александра Вольфа» стремится, по мнению Лады Сыроватко¹⁰, преодолеть свою «метафизическую бездомность», он, как и все герои Газданова, ищет себя, дабы избавиться от экзистенциального мироощущения, стремится к «воплощению», к той жизни, где мысль о смерти носила бы только теоретический характер. Главный герой, как и Коля Соседов, страдает от мучительного двоемирия. Заочно знакомясь с загадочным автором рассказа «Приключение в степи», он находит в нем признаки душевного недуга, с единственной поправкой на то, что, по его мнению, Вольф смог это двоемирие побороть.

Появление в жизни повествователя Елены Николаевны вызывает в его душе реакцию перерождения. Елена Николаевна обладает по-газдановски женским очарованием и притягательностью. Благодаря ее появлению происходит переход души героя из его «второй», репортерской жизни – в «третью» – творческую – Елена Николаевна начинает играть роль музы в жизни героя.

Экзистенциальное мироощущение героя настолько сильно, что поверить в проявление чудесного очень трудно. Он осознает, что все отведенное человеку, как и сам человек, – временно. Но, тем не менее, он знает, что Елена Николаевна – это рубеж, который безвозвратно повлиял на его судьбу, его личность и его внутренний мир. Совершив переход из «второй» жизни в «третью», герой понимает, что именно эта жизнь для него «настоящая», наполненная смыслом существования: «Я жил теперь, наконец, настоящей

¹⁰Сыроватко Л. Газданов-новеллист // Газданов Г. Собр. Соч.: В 3 т. – М.: Согласие, 1997. Т. III.

жизнью, которая не состояла наполовину – как это всегда было до сих пор – из воспоминаний, сожалений, предчувствий и смутного ожидания»¹¹.

Александр Вольф в системе персонажей романа выступает в роли антипода героя-повествователя, но это его alter ego, темная сторона души, образ «призрачного и непрерывающегося сна». Жизнь представляется ему путешествием без какой-либо иной цели, в конце которого только смерть. Через образ Александра Вольфа мы можем понять цельное представление писателя о внутреннем мире главного героя, в котором противостоят два, равных по силе, начала: первое – это тяга к «воплощению» через творческую самореализацию и любовь к женщине, второе – это экзистенциальный взгляд на мир, в котором жизнь представляется как непрерывное движение к смерти. В образе Александра Вольфа Газданов воплощает все страхи, ночные кошмары, тяжелые размышления о бессмысленности человеческого существования.

Но творческий дар по Газданову – это способность, прежде всего, поверить в силу воссоздаваемого мира, поддаться игре воображения. Вольф к этому не способен и поэтому обречен. В финале герой-репортер, защищая жизнь Елены Николаевны, свою музу, стреляет в Александра Вольфа, тем самым одерживает победу над темной стороной своего внутреннего мира и обретает возможность вместе с любимой женщиной построить мир, наполненный счастьем и творческими поисками.

2.3. *Осмысление роли женщины в сотворении писателем своего художественного мира в романе «Возвращение Будды».* В этом романе Газданов продолжает тему развивающегося, пробивающегося к свету

¹¹ Газданов Г. Призрак Александра Вольфа // Газданов Г. Собр. Соч.: В 3 т. – М.: Согласие, 1996. – Т. II. С. 67.

творческого дара. В «Возвращении Будды» Газдановым наиболее ярко изображен пограничный момент между «второй» и «третьей» жизнями героя.

Главный герой находится в мучительном поиске смысла жизни, который протекает у него в форме тяжелого душевного недуга. Роман начинается с одного из видений героя, где он умирает. И пусть это было всего лишь видение, скачок воспаленного воображения, но «пережитая» героем смерть не носит «теоретического» характера. И как следствие, пережив и осмыслив смерть в «практическом» плане, герой теряет волю к жизни: психика умершего человека, чудом продолжающего существовать, не может этого перенести без последствий. Таким образом, фактор смерти становится всеобъемлющим, и человеческая жизнь оказывается абсолютно тщетной в контексте смерти.

Герой понимает, насколько губительно для человека то знание, которым он обладал, оно отравляет его психику, он понимает, что у такого человека нет возможности жить нормальной человеческой жизнью, для него «смерть всегда представляется как катастрофа: мгновенная или медленная, неожиданная или естественная, но именно катастрофа - призрак потустороннего ужаса, от которого стынет кровь»¹². Герой приходит к пониманию, что все бессмысленно и условно в этом мире, как сам человек, так и все им создаваемое. И его существование – только лишь слепая случайность, явившая его на свет, одинокого и чуждого по сути и природе своей.

Герой болен все тем же душевным недугом, что и герои из «Вечера у Клэр» и «Призрака Александра Вольфа», он живет в порубежном мире, между реальной и воображаемой действительностями, как призрак: «Я чувствовал

¹² Газданов Г. Возвращение Будды // Газданов Г. Собр. Соч.: В 3 т. – М.: Согласие, 1996. – Т. II. С. 196.

<...> необыкновенную призрачность моей собственной жизни»¹³. Он находится в поиске, его настоящее положение представляется ему туманным и неопределенным, цель собственного существования не ясна, а убеждение в бессмысленности любого человеческого существования перед лицом смерти только крепнет.

В своем воображении герой обладает бессмертной сущностью реинкарнации, и если реинкарнация в буддизме предполагает цель – постепенную эволюцию души, то Газданов через воображаемые перевоплощения героя ведет его к творческому прозрению, к переходу к «третьей» жизни.

Для избавления от душевного недуга герою нужно пройти через серьезный катаклизм, катастрофу, пережить сильнейший эмоциональный шок, оказаться в пограничной ситуации. Этим эмоциональным шоком послужил для героя его внезапный арест и обвинение в убийстве. И только после освобождения из тюрьмы он обретает не только свободу физическую – он, наконец, исцеляется от душевного недуга, исцеление приходит к нему тогда, когда он направляет свое движение к женщине. Герой-повествователь, наконец, понимает, что ощущение счастья «кратковременно и иллюзорно», но именно оно по-настоящему волшебное, и, несмотря на то, что вслед за ним, скорее всего, придет сожаление, оно стоит того, чтобы к нему стремиться.

Газданов определяет две категории: Катрин и Пустота. Катрин – это любовь, муза, творческий дар, а Пустота – это внешний мир отвлеченных идей, искусственных схем, созданных для того, чтобы заполнить эту пустоту для человека, наделить ее смыслом для всех, только не для героя. И роль Катрин – не заполнить эту пустоту, а только *заслонить* ее, построить

¹³ Газданов Г. Возвращение Будды // Газданов Г. Собр. Соч.: В 3 т. – М.: Согласие, 1996. – Т. II. С. 128.

собственный воображаемый мир, открыть в себе потенциал художника и творить.

Таким образом, мы рассмотрели в данной главе три романа Гайто Газданова: «Вечер у Клэр», «Призрак Александра Вольфа», «Возвращение Будды»; проследили динамику развития творческого дара героя-повествователя от экзистенциальной безысходности к освобождению или, точнее сказать, – прорыву.

2.4. *«Мотив путешествия как этап созревающего художественного дара в романе «История одного путешествия».* Главный герой романа «История одного путешествия» не безымянен, как это обычно бывает у Газданова, повествование в нем идет от третьего лица. Но в образе этого героя мы угадываем черты типичного газдановского героя-повествователя. Имя своему герою автор подбирает неслучайное: это недвусмысленная аллюзия на пушкинского Владимира Ленского. Газданов обыгрывает совпадение имен, представляя своего героя в качестве Ленского XX века – путешественника, литератора, не находящего себе нигде места. Володя, как и Ленский, живет в своем романтическом мире.

У Газданова «путешествие» – это словообраз, который он развивает и в «Истории одного путешествия». Под «путешествием» Газданов подразумевает не буквальное странствие Володи или его приезд в Париж, а очередной эмоциональный период жизни героя, этап созревания его художественного дара, становления художника. Именно эта тема является ключевой в романе. Газданов ставит своей целью проанализировать лишь одно из звеньев становления художника. Каждое такое «путешествие» – это своеобразная ступень на пути к газдановскому «воплощению».

Женский образ направляет движение героя, сопровождает Володю в его воображаемых путешествиях. Это еще не муза, а то, что только должно в последующем сформироваться, окрепнуть и стать музой. Нечеткие, размытые

видения направляют ход его мыслей, будоражат фантазию – Володя медленно движется к своему «воплощению». Туманные женские образы, словно аура, освещают путь героя. Для Володи каждое такое воображаемое путешествие – это своего рода ритуал, сознательный уход из реальности, для которого нужна особая психологическая подготовка, уединение. Через «путешествие» идет медленное обретение Володи самого себя, внутреннего «я» героя. У Газданова этот процесс всегда протекает очень медленно и мучительно, он может занимать большую часть биологической жизни человека, путь к «воплощению» очень призрачен и обманчив.

Володя – типичный газдановский герой, пытающийся найти свое место и самого себя, находящийся в непрерывном мучительном движении и поиске. У него созвучные мысли с думами Коли Соседова из «Вечера у Клэр» и безымянных героев «Призрака Александра Вольфа» и «Возвращения Будды». Большое значение в романе, как и в других произведениях Газданова, имеет мотив мучительного разрыва между действительным и воображаемым, фантазия и реальность стали для Володи в каком-то смысле единым целым; через призму воображаемых путешествий герой смотрит на реальность. В нем постепенно созревает бурный внутренний мир, который в последующих романах писателя приведет героев к мучительному разладу реальности и фантазии.

Реальную жизнь герой видит бедной и скучной, именно поэтому он сознательно углубляется в воображаемый мир. Его воображаемая действительность еще не носит характер душевного недуга героя из «Возвращения Будды», границы между реальностью и фантазией у него не размыты. Женские образы являются ему, когда он в одиночестве может предаться фантазиям. Для Володи каждое такое воображаемое путешествие – это своего рода ритуал, сознательный уход из реальности, для которого нужна особая психологическая подготовка и уединение. Через эти «путешествия» идет медленное обретение Володи самого себя, внутреннего «я» героя.

2.5. *Сюрреалистическая поэтика в изображении «воплощения» героя в романе «Ночные дороги».* В данном произведении особенно ярко прослеживается антропологический аспект художественной тематики Газданова, – автор выделяет надэпохальные ситуации человеческой жизни, исторически устойчивые формы существования человека, описывая не только частную жизнь героя-таксиста на чужбине, воссоздавая во многом срез жизни всей русской эмиграции в Париже. Текст романа разделен автором на повествовательные фрагменты, которые он никак не пронумеровал и не назвал, которые достаточно автономны по содержанию.

Важное значение в романе имеет универсум, в котором живет герой, – Газданов очень подробно его воспроизводит. Главный герой наблюдает за людьми, которых он часто встречает на улицах ночного города, которые живут не в реальной действительности, а в иллюзорном воображаемом мире. Глубоко отобразить темные улицы Парижа с его обитателями-призраками помогает писателю средства сюрреалистической поэтики.

Герой романа, по собственному признанию, отравлен средой, но, как все герои Газданова, стремится вырваться из замкнутого круга ночных дорог к духовному перерождению. Через сложные душевные движения, мучительные сомнения и мысли, писатель ведет своего героя к духовному росту, от равнодушия – к состраданию и любви. В данном произведении нет конкретного женского образа, но ощущается его присутствие, он, как маяк, направляет движение героя. Именно этот образ вводит читателя в самый глубинный слой повествования «Ночных дорог»: в ту его сферу, где формируется тема творчества, постоянный, хотя и не всегда одинаково проявленный в повествовательной ткани романа, мотив творчества, или, по-газдановски, – «третьей жизни».

2.6. «Двойное «воплощение» в романе «Эвелина и ее друзья». В этом романе Газданов возвращается к теме разрыва действительного и воображаемого, смещая акцент в область *воображаемого*.

В отличие от более ранних произведений Газданова, зрелый герой-повествователь не пытается найти свою музу и не строит иллюзорный мир, за глухим неверием героя в возможность осмысления собственной жизни нет попыток что-то изменить. Он обнаруживает абсолютную апатию. Газданов рисует героя, уже потерявшего надежду. И только в конце романа герой находит свою музу в лице Эвелины. Показательно, что Эвелина, как и главный герой, тоже получает возможность «воплощения». Впервые в романе присутствует наиболее полно раскрытый женский образ, ведущий к «воплощению» не только героя, но и самой женщины. Если герой, чтобы определить свое предназначение, должен построить свой воображаемый мир, то женщина должна найти своего художника, дабы стать его музой.

В **Заключении** подводятся основные итоги исследования, в которых подчеркивается, что творчество Гайто Газданова неразрывно связано с его собственными напряженными поисками сути бытия и смысла своего творчества.

В результате анализа прояснились причины экзистенциального мироощущения Гайто Газданова и его героя-повествователя и была определена одна из важнейших тем в творчестве писателя – тема смерти, которая оказалась тесно связанной с другой: мы определили ее как тему бессмысленности бытия перед единым финалом жизни каждого человека. Газданов наделяет своего героя силой ума и воображения, с помощью которых можно заполнить отведенный промежуток времени между рождением и смертью воображаемыми представлениями о смысле жизни. И его цель – преодолеть «метафизическую бездомность», экзистенциальную апатию: это возможно у Газданова благодаря женщине. Женщина реализует творческий потенциал личности героя-

повествователя. С помощью женщины-музы герой перешагивает в «третью» жизнь, строит спасительный воображаемый мир – мир творчества, гармонизирующий, в свою очередь, мир реальный.

Мы рассмотрели шесть из девяти романов Гайто Газданова, дабы проследить развитие творческого дара героя-повествователя.

В романе «Вечер у Клэр» Газдановым положено начало теме важности созревания художественного дара. Для героя Клэр является проводником в «третий мир», через экзистенциальную мечту о Клэр он ощущает свое предназначение. В романе «Призрак Александра Вольфа» Газданов продолжает развивать тему созревающего дара. Герой, страдающий от мучительного двоемрия, описывает масштаб раздвоения личности как всеобъемлющий, искривляющий все мировосприятие. Появившаяся в жизни героя женщина вызывает в душе героя перерождение. В финале герой, защищая жизнь любимой женщины, музы, стреляет в своего антипода – Александра Вольфа, который воплощает идею бесцельности человеческого существования, одерживая тем самым победу над темной стороной своего внутреннего мира.

В романе «Возвращение Будды» Газданов усиливает экзистенциальный накал. Душевный недуг его героя уводит его за пределы реальности, он умирает во сне. Но «пережитая» смерть не носит «теоретического» характера: герой теряет волю к жизни. Он теперь во всем видит временность и тлен. Опустившись на самое дно своего страха, герой должен либо погибнуть, либо найти спасение в женщине. И он делает выбор в пользу второго: вспоминает о своей возлюбленной – Катрин.

В романе «Ночные дороги» Газданов прибегает к сюрреалистическому принципу изображения, который помогает точнее отобразить темные улицы Парижа и его обитателей-призраков. Он стремится вырваться из замкнутого круга ночных дорог к духовному перерождению. В этом романе нет конкретного женского образа, но интуитивно чувствуется его присутствие, он целена-

правленно направляет движение героя. Именно этот образ вводит читателя в самый глубинный слой повествования «Ночных дорог»: в ту его сферу, где формируется тема творчества. Роман «История одного путешествия» Газданов посвящает становлению художественного таланта. Женский образ, сопровождающий герою в воображаемых путешествиях, - еще не муза, а только волнующее предчувствие, полуслепая тяга к «воплощению». На этом этапе вымышленная действительность героя не носит характер душевного недуга героев из «Возвращения Будды» и «Призрака Александра Вольфа». В романе «Эвелина и ее друзья» писатель изображает зрелого героя-повествователя, не пытающегося построить иллюзорный мир. Герой потерял ту долю наивности, которая в более молодом возрасте позволяла ему окунуться в воображаемый мир, построить завесу, за которой можно было бы отгородиться от реальной действительности. Он существует механически, во всем подчинившись привычному чувству апатии, пока не находит свою музу в лице Эвелины. Показательно, что Эвелина, как и главный герой, тоже получает возможность «воплощения» благодаря обретению «третьей жизни» – в творчестве.

Во всем художественном наследии писателя постоянно изображается состояние человека, однажды побывавшего в объятиях смерти и чудом оставшегося жить. В метатексте Газданова мы видим единую структуру повествования, которая в различных аспектах рассматривает тему смерти, глубоким шрамом врезающуюся в судьбу писателя и его героев, раскрывает женский образ в роли музы. Мы убеждены, что автор перенес свой духовный опыт в художественный, в построение собственного воображаемого творческого мира, спасающего человека и преображающего мир реальный. Сам автор в этом случае встает в один ряд с каждым героем-повествователем своих романов. Газданов нашел свое «воплощение» в творчестве, в котором он воспроизводит свой собственный путь. И его герои идут тем же путем в поисках «воплоще-

ния» и находят его, благодаря женщине-музе, так же, как и Газданов нашел свою музу в лице своей жены, Фаины Ламзаки.

Исследование данной темы помогает глубже осмыслить суть и масштаб творческого дарования Гайто Газданова, своеобразие его художественного сознания.

Несомненно, Гайто Газданов – масштабная личность в литературе не только русского зарубежья, но и в целом в литературе двадцатого столетия. Об этом свидетельствует глубина постановки и решения проблем бытия, в чем его творчество смыкается с русской классической литературой. Наследие Газданова выдержало проверку временем, вступив в XXI век как высокохудожественная проза, поднимающая вечные вопросы. Газданов вызывает все больший интерес как у читателей так, и у исследователей. Подтверждением тому служит новое собрание его сочинений в пяти томах, выпущенное в 2009 году издательством «Эллис Лак». На данный момент, это наиболее полное собрание сочинений Гайто Газданова. В него вошли романы, рассказы, литературно-критические статьи, рецензии и заметки, документальная проза, выступления на радио «Свобода», письма писателя, а также письма его друзей и коллег. Многие произведения и материалы были опубликованы впервые.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

- 1. Преодоление экзистенциальной безысходности в творчестве Газданова: роль женского образа // М.: Научная жизнь № 4, – 2010. – С. 75 – 83.**
2. Женские образы в рассказах Газданова: к вопросу о неавторских циклах в прозе // Пушкинские чтения-2007. Материалы XII международной научной конференции «Пушкинские чтения» (6-7 июня 2007 г.) / под общ.ред. В. Н. Скворцова; отв. ред. Т.В. Мальцева. – СПб.: ЛГУ имени А.С. Пушкина, 2007. –С. 288 – 292.

3. Гайто Газданов как литературный критик (по статье «О молодой эмигрантской литературе») // Арзамасские филологические чтения – 2006 / Под.ред. В. В. Востокова, Л.В. Рацибурской, В.Т. Захаровой, И.В. Андреевой; АГПИ им. А.П. Гайдара. – Арзамас: АГПИ, 2007. – С. 74 – 76.
4. Православное мировосприятие в эмиграции (по рассказу Г. Газданова «Панихида») // Русское православие как основа сохранения национальной идентичности: XVI Рождественские православно-философские чтения / Нижегородская епархия, Пред-во Президента РФ в Приволж. фед. округе, Адм. Ниж. обл., Адм. Н. Новгорода, НГПУ, АГПИ – Н.Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 2007. С. 309 – 311.
5. Воспоминание в художественном восприятии Газданова и М. Пруста // Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. Н. М. Ильченко. – Нижний Новгород: НГПУ, 2006. – Выпуск II. – С. 294 – 297.